

An oil painting of a man's face and upper torso. The man has short, dark hair and is looking slightly to the right with a serious expression. He is wearing a dark blue pinstriped suit jacket, a white dress shirt, and a red patterned tie. The background is a textured, light-colored wall. The painting style uses visible brushstrokes and a warm, golden-brown color palette for the skin.

Сергей Свой

**Дж. Кеннеди -
жив!**

18+

Сергей Свой
Дж. Кеннеди - жив!

«Автор»

2026

Свой С.

Дж. Кеннеди - жив! / С. Свой — «Автор», 2026

Дж. Кеннеди ... Ли Освальд ... Лучшие умы человечества допускали наличие параллельных вселенных. Вот и майор ФСБ Алексей Владимирович Павлов тоже допустил такое. Когда после острой жгучей боли в груди и потери сознания, ему, очнувшись в больничной палате, пришлось узнать что он Ли Харви Освальд ...А вот как в этом мире будет поступать новый Ли Харви Освальд - узнаете прочтя это произведение, при заинтересованности сюжетом, разумеется)))Но Кеннеди и Освальд - это почти постоянная загадка.

© Свой С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Свой

Дж. Кеннеди - жив!

Глава 1

Выключение

Майор ФСБ Алексей Владимирович Павлов умер тихо, в собственном кабинете на Старой площади, за неделю до пенсии. Не от пули, не от яда шпиона времен новой холодной войны, а от банального, внезапного разрыва сердца. Одна секунда — он склонился над папкой с грифом «Хранить вечно», разбирая перед сдачей архивы легендарного управления «С» (нелегалы). Взгляд зацепился за пожелтевшую фотографию: худой молодой человек с пустым взглядом на фоне индустриального пейзажа Минска. Подпись: «ОСВАЛЬД, Ли Харви. Объект наблюдения, 1960». Следующая секунда — острая, жгучая боль в груди, мир поплыл, потемнел и схлопнулся в точку.

А потом — хаос. Не тишина и не свет, а какофония чужих ощущений. Холод линолеума под щекой. Едкий запах дешевого советского дезинфектанта, смешанный с ароматом борща из столовой. Гулкий звук женских голосов на непонятном, но смутно узнаваемом языке. И всепроникающая, унижительная слабость. Словно его, опытного оперативника, вывернули наизнанку, обнажив все нервные окончания.

Инстинкт профессионала сработал раньше сознания. Не двигаться. Не открывать глаза. Слушать. Оценить.

«...откачали, слава богу. Дурачок американский. Целую пачку «Этаминала-натрия» плотнул. Спасибо, горничная вовремя ключ выпросила...»

Русский язык. Советский, с легким акцентом. Медсестры. «Американский»... Таблетки...

Обрывки памяти, не его, начали вонзаться в мозг, как осколки стекла. Позорное увольнение из морской пехоты... Долгое, утомительное плавание на грузовом судне... Вручение паспорта в советском посольстве... И наконец — холодный кабинет в ОВИРе, безразличное лицо чиновника: «В гражданстве СССР вам отказано, товарищ Освальд. Выезжайте обратно в срок».

Освальд. Ли Харви Освальд.

Имя ударило, как разряд тока. Павлов знал это имя. Он изучал его дело не как оперативник, а как историк-любитель, пытаясь разгадать старую загадку, которая не давала ему покоя. И теперь он был внутри него. Внутри этого нервного, неуравновешенного юноши, лежащего на больничной койке где-то в Москве, в октябре 1959 года.

С трудом, преодолевая тошноту и головокружение, Павлов заставил веки приподняться. Потолок был выкрашен дешевой голубой краской. В углу паутина. Он повернул голову — тело отозвалось вяло, мышцы не слушались. В дверном проеме, курия и о чем-то перешептываясь, стояли две санитарки в белых халатах. За окном — серое московское небо и типичный сталинский ампир.

Операция провалена. Внедрение... самое глубокое из возможных. Без легенды, без подготовки. Тело — слабое, травмированное, с химической интоксикацией. Идентичность — самоубийца-неудачник, под колпаком КГБ с первого дня. Цель... Какая, к черту, цель?

Но старый мозг майора уже анализировал, отбрасывая панику. КГБ. Они его уже взяли в работу. После такой истории — обязательно. Значит, скоро будет контакт. Следовательно или вербовщик. Надо готовиться. Он больше не майор Павлов. Он Ли Харви Освальд. Неудачник. Маргинал. Но выживший. И этот выживший должен вести себя... правильно.

Павлов сглотнул. Горло болело от желудочного сока и таблеток. Он поднял руку — тонкую, жилистую, не его руку — и слабо постучал костяшками пальцев по железному бортику койки.

Санитарки обернулись.

— О, очнулся наш американец! — крикнула одна из них, беззлобно. — Натерпелся, дурачок?

Павлов открыл рот. Голос, который прозвучал, был чужим, сиплым, с сильным американским акцентом, но говорил на чистом, пусть и простом, русском:

— Вода... Пожалуйста.

На лицах медсестер отразилось изумление. Они знали из бумаг, что он учил русский в армии, но такого не ожидали. В их взглядах Павлов-Освальд увидел первую крошечную победу. Несоответствие. Первый штрих к новой легенде, которую ему предстояло выстроить поверх старой.

Пока одна из санитарок пошла за водой, он закрыл глаза, отгораживаясь от мира.

Итак, Освальд. Ты хотел остаться в СССР и стать гражданином. Теперь ты — его гражданин поневоле. В самом центре твоего личного ада. И моей тюрьмы.

Но у меня есть то, чего не было у тебя. Я знаю твое будущее. Я знаю, что 22 ноября 1963 года в Далласе ты должен убить президента. И я знаю, что сделаешь это не ты. Потому что теперь здесь я. И я буду стрелять совсем в другую цель.

Он сделал первый глубокий вдох в своем новом, хрупком теле. Началась самая важная операция его жизни. Операция по спасению Джона Кеннеди и изменению хода истории. И первым шагом было... выжить в советской больнице и дождаться своих новых «кураторов».

Вода оказалась теплой и невероятно вкусной. Он пил маленькими глотками, чувствуя, как сила, капля за каплей, возвращается к нему. Не физическая — моральная. Он был майором Павловым. Он был агентом в самом сердце мировой загадки. И игра уже началась.

Ну и как положено - в палату к «Освальду» приходят двое в штатском — капитан КГБ и психолог. Они начинают допрос, маскирующийся под беседу. Павлов должен решить: играть ли сломленного дурачка или показать неожиданную собранность, чтобы заинтересовать их иначе? Он, оставшись один, пытается восстановить в памяти все, что знал об Освальде: даты, имена, места. Павлов решает вести мысленный «досье» на самого себя, фиксируя нестыковки между своими знаниями и реальностью 1959 года.

Первая развилка: Ему объявляют решение: его отправят в Минск, на завод «Горизонт», под надзор. Павлов понимает — это его шанс. В провинциальном Минске за ним будет меньше внимания, чем в Москве. Он может начать готовиться. Но как? Попытаться установить контакт с резидентурой КГБ как коллега? Или залечь на дно и копить силы?

Часть 1. Глубокое погружение. Годы 1960-1961, Минск, стали для сознания майора Павлова, запертого в теле Ли Харви Освальда, временем мучительной адаптации и титанической внутренней работы. Система, в которую он попал, оказалась и знакомой, и чудовищно искаженной. Он был не оперативником на задании, а объектом наблюдения, подопытным кроликом в аквариуме, где каждое движение фиксировалось. Его определили на завод радиоизмерительных приборов «Горизонт» токарем-револьверщиком 2-го разряда. Квартиру — однокомнатную, но отдельную, что было роскошью для одинокого молодого рабочего, — дали в новом доме на ул. Коммунистической. Павлов мгновенно оценил ситуацию: жилье, без сомнения, было «под колпаком». Прослушка, а возможно, и скрытые камеры. Соседи — осведомители. Его новый мир был аккуратно выстроенной клеткой. Первая встреча с куратором из Комитета произошла на второй день после заселения. К нему подошел невысокий, безукоризненно вежливый мужчина лет сорока, представившийся Анатолием Степановичем, сотрудником общества «Дружба». Он говорил мягко, интересовался бытом, здоровьем, предложил помощь с оформлением документов. Но глаза у него были стальные, всевидящие. Павлов, действуя как

профессионал, сразу распознал в нем офицера 4-го Управления (внешняя контрразведка), отвечающего за наблюдение за иностранцами.

— Ли, вы нас очень удивили, — сказал как-то Анатолий Степанович во время одной из их «дружеских» чаепитий. — И русский ваш стал куда лучше, и с коллегами по цеху вы как-то сразу... нашли общий язык. Для человека, пережившего такой стресс, это необычно.

Павлов-Освальд сделал наивное лицо, тщательно копируя манеру речи оригинала из обрывочных воспоминаний.— В Америке я всегда чувствовал себя одиноко. Здесь... здесь я почувствовал, что людям есть до меня дело. Я хочу стать полезным. Работа на заводе — это честь. Это была тонкая игра. Он не мог имитировать полную психологическую разбитость Освальда — это сделало бы его бесполезным овощем, за которым просто наблюдают. Но и проявлять несвойственную маргиналу собранность и проницательность было смертельно опасно. Он избрал роль «перерождающегося»: травма попытки самоубийства, мол, перевернула его, заставила ценить жизнь и новую родину. Он демонстрировал умеренный энтузиазм, усердие на работе, изучал не только русский, но и белорусский язык, читал газету «Звезда». Это вызывало подозрения, но и порождало любопытство. «Что, если этот неуравновешенный американец и вправду может стать советским человеком?» Внутренне же Павлов вел двойную жизнь. Ночью, приглушив радио, он тренировал тело. Оно было хилым, координация — ужасной. Он начинал с отжиманий и приседаний, доводя мышцы до дрожи. Купил в магазине «Спорттовары» гирию и эспандер. Физическая слабость была его главным врагом. Параллельно он «прокачивал» память Освальда. Сидел над блокнотом (зная, что его периодически читают) и записывал обрывки стихов, чертил схемы радиоприборов с завода. А в уме, поверх этих записей, выстраивал хронологическую сетку будущего. 1961, апрель. Знакомство с Мариной Прусаковой. Женитьба. 1962, июнь. Возвращение в США. Форт-Уэрт, потом Даллас. 1963, весна. Заказ винтовки Сагсапо под псевдонимом. 1963, октябрь. Поездка в Мексику, советское и кубинское посольства. 1963, 22 ноября. Даллас. Школьное книгохранилище.

Он знал даты, но не знал механизмов. Кто стоял за всем? В его прошлой жизни версий было десятки. Теперь ему нужно было вычислить истинных кукловодов, имея в распоряжении только себя, ограниченные ресурсы и тотальную слежку.

Развилка: Контакт. Павлов понимал, что без связей, без информации он слеп. Но выйти на настоящую резидентуру КГБ в Минске, раскрыв свою суть? Это означало попасть в жернова машины, которая либо объявит его сумасшедшим, либо начнет бесконечные проверки, либо — что хуже всего — решит использовать в какой-то своей игре, полностью подчинив его волю. Он не мог довериться системе, частью которой когда-то был. Решение пришло неожиданно. На заводе был кружок фотолюбителей. Павлов записался туда. Старостой кружка оказался немолодой, мастеровитый слесарь по имени Игнат. Говорил он мало, с легким акцентом (Павлов уловил прибалтийские нотки), но в фотоделе был виртуозом, особенно в проявке и печати. Как-то раз, задерживаясь в затемненной лаборатории, Павлов заметил, как Игнат ловко, почти не глядя, заряжает пленку в кассету в полной темноте. Движения были слишком быстрыми, слишком автоматическими для любителя. Это был навык, отточенный годами практики, возможно, в полевых условиях.

Павлов решил на осторожный зондаж. Он начал задавать вопросы не о технике, а о композиции, о том, как передать «настоящую правду» кадра, как скрыть одно и подчеркнуть другое. Их беседы стали напоминать обмен профессиональным жаргоном. Однажды, глядя на отпечатанную Павловым мрачноватую фотографию заводской трубы, Игнат сказал, не глядя на него:

— Тень-то ты положил правильно, Ли. Но забыл, что самое главное часто не в кадре, а в том, кто стоит за фотографом. И для чего он щелкает затвором.

Это был сигнал. Павлов молча кивнул. Он не стал лезть дальше. Но канал, пусть потенциальный, был обозначен. Игнат, скорее всего, был «невыездным» нелегалом, «законсервиро-

ванном» агентом или просто старым чекистом на пенсии, присматривающим за объектом. Но он был профессионалом старой школы. С ним можно было говорить на одном языке. Пока Павлов решил ограничиться этим молчаливым пониманием. Придет время — он сможет передать сообщение. Главное, что заметил наш "Освальд" при попытке задуматься в разговоре с "нужным" человеком о мотивах его сказанных слов, у него в мозгу начинали звучать какие то обрывки чужих мыслей ...

Часть 2. Личная жизнь как оперативная легенда

В апреле 1961 года, в доме отдыха для профсоюзного актива в Минском море, Павлов-Освальд встретил Марину Прусакову. Он был к этой встрече готов интеллектуально, но не эмоционально. Он видел ее фотографии в деле, изучал биографию. Но живая девушка с острым, немного насмешливым взглядом и поразительной внутренней силой оказалась совсем другой. Оригинальный Освальд видел в ней красивую экзотику, объект для обладания. Павлов же, с первого взгляда, увидел сложного человека. Сироту, выросшую в строгости у дяди-полковника, мечтавшую о яркой жизни и боявшуюся этой мечты. Он понимал, что брак с ней — ключевая часть его легенды. Это сделает его менее подозрительным в глазах КГБ, «привяжет» к СССР. Но он также понимал, что не может использовать ее просто как ширму. Его профессиональная холодность столкнулась с щемящим чувством вины и неожиданной, глубокой симпатией. Их свидания были странным дуэтом. Павлов, играя роль застенчивого, немного неуклюжего иностранца, слушал, как Марина говорит о медицине (она работала фармацевтом), о поэзии, о своем страхе перед обыденностью. Он улавливал в ее словах тоску по чему-то большему. И в эти моменты его осторожность давала трещину. Он начинал говорить не как Освальд, а как начитанный, умный человек, способный понять ее тоску. Он цитировал не Маркса, а Бродского (еще молодого, неизвестного) или рассказывал о нью-йоркском Музее современного искусства. Ее глаза в такие мгновения загорались любопытством.

— Откуда ты все это знаешь, Ли? Ты же говорил, что у тебя образование всего девять классов.

— Я... много читал, — тупил Павлов, ловя себя на ошибке. — В морской пехоте была библиотека.

Он женился на ней, потому что так было надо. Но к своему ужасу обнаружил, что женился и потому, что хотел. Она стала его якорем в этой безумной реальности, единственным живым, подлинным существом, не связанным с заговорами и слежкой. И это было опасно. Любовь ослепляет, делает уязвимым. Однажды ночью, когда Марина спала, положив голову ему на плечо, он лежал и смотрел в потолок, ощущая тяжесть грядущих лет. Я должен вернуться в Америку. Я должен пойти на встречу с убийцами. И мне придется вести туда ее, зная, что там ее ждут допросы, позор, жизнь вдовы президентского убийцы. Если я проиграю. Он начал готовить ее. Осторожно, исподволь.

— Марина, Америка — сложная страна, — говорил он, гуляя с ней по парку Горького. — Там много разных людей. И много... злобы. Если мы когда-нибудь поедem, тебе нужно быть готовой ко всему.

— Ты что, собираешься обратно? — насторожилась она.

— Нет, нет, — быстро отвечал он. — Но мир меняется. Никто не знает, что будет завтра. Просто помни: что бы ни случилось, что бы ни говорили обо мне... ты должна верить своим глазам. А не газетам.

Он завел себе фотоаппарат «Зоркий» и настойчиво учил Марину фотографировать. «Это твои глаза на мир, — говорил он. — Умение запечатлеть момент может быть важнее слов». Он учил ее обращать внимание на детали: номера машин, лица в толпе, время на часах на случайных снимках. Он готовил ее не к жизни с иностранным мужем, а к роли невольного свидетеля и хранителя доказательств.

Часть 3. Раскол и отъезд. 1962 год.

Павлов почувствовал, что почва под ногами начинает меняться. Наблюдение за ним стало менее пристальным. Анатолий Степанович все чаще говорил о «трудовых успехах» и все реже — об идеологии. В воздухе витало решение. Система, пронаблюдав его два с половиной года, сделала вывод: американец усреднился. Он не стал примерным коммунистом, но и угрозы не представляет. Скорее, обуза. В это же время в мозгу Павлова начали всплывать настоящие, неконтролируемые воспоминания Освальда. Вспышки ярости от бессилия. Тоска по Америке, по ее банальной, но такой недоступной нормальности — гамбургерам, джазу, широким улицам. Эти чувства накатывали волнами, смешиваясь с его собственным холодным расчетом, создавая мучительный внутренний конфликт. Он ловил себя на том, что кричит на Марину из-за разбросанных вещей, а через минуту, в ужасе от своей несдержанности, молча мыл пол. Это была не игра. Это была гражданская война внутри одной души. Он понял, что это — его шанс. Он сознательно дал волю этим демонам. Начал жаловаться на быт, на «заскорузлость» советской жизни, на ограничения. Он устроил на работе несколько мелких скандалов. Он написал в посольство США отчаянное письмо с просьбой о возвращении. Он играл в разочарование, и игра была тем убедительнее, что наполовину состояла из правды.

В мае 1962 года его вызвал Анатолий Степанович. В его кабинете висел портрет уже не Сталина, а Хрущева.

— Ну что, Ли, — сказал куратор без предисловий. — Надоело мы с тобой друг другу? Хочешь обратно, к капитализму?

Павлов-Освальд опустил голову, изображая стыд и упрямство. — Я... я ошибся. Здесь не та жизнь. Я хочу домой.

— Домой? — Анатолий Степанович усмехнулся. — Ты уверен, что они тебя там с распростертыми объятиями ждут? Морской пехотинец-перебежчик? Ты для них — предатель.

— Я готов ко всему, — мрачно проговорил Павлов, и это была чистая правда. Решение было принято быстро. СССР был не прочь избавиться от потенциально проблемного иностранца. Через месяц визы были готовы. В последний вечер перед отъездом Павлов пришел в фотокружок попрощаться с Игнатом. Тот молча пожал ему руку. В рукопожатии был жесткий, быстрый толчок — пальцы Игната на долю секунды сложились в определенную, узнаваемую Павлову конфигурацию. Старый шифр, означавший: «Понимаю. Удачи». В ладони Павлова осталась крошечная, холодная металлическая капсула-контейнер. Без слов, не глядя, он переложил ее в карман. А в мозгу возникли слова: "Давай, дорогой товарищ, удачи тебе там!"

Дома, запершись в ванной, он вскрыл капсулу. Внутри лежала свернутая в трубочку микропленка и клочок бумаги с одним словом, написанным химическим карандашом: «ДОВЕРЯЙ». На пленке, как позже выяснил Павлов, проявив ее в самодельном растворе, были два адреса в Нью-Йорке и телефонный номер в Новом Орлеане с пометкой «в случае крайней необходимости». Это была не сеть КГБ. Это была сеть старых, «заснувших» нелегалов, возможно, лично знавших Игната. Людей вне официальных структур, живущих своей жизнью. Последний подарок от профессионала профессионалу. Павлов сжег бумажку, а пленку спрятал в двойном дне своей бритвенной ручки.

22 июня 1962 года

Ли Харви Освальд с женой Мариной и годовалой дочерью Юной вылетели из Минска в Москву, а оттуда — в Амстердам, на борту теплохода «Маастрихт», направлявшегося в Нью-Йорк. Стоя на палубе и глядя на исчезающий в тумане берег, Павлов чувствовал не облегчение, а леденящий холод. Клетка сменилась минным полем. В США его ждали не дом и семья, а поле битвы, где противник был невидим, а союзников не существовало. Его единственным оружием было знание будущего, которое с каждым днем становилось все менее надежным. И тихая, непоколебимая решимость в сердце Марины, которая, сама того не ведая, уже стала его первой и единственной сообщницей. Его миссия вступала в свою главную фазу. Театр действий менялся. Но цель оставалась прежней: найти тени, сговаривающиеся об убийстве президента,

и сделать так, чтобы 22 ноября 1963 года в Далласе прогремел не триумфальный для них залп, а первый выстрел в грядущей войне, которую они проиграют, даже не начав.

Глава 2

Фантомные частоты

Способность открылась не сразу и не полностью. Сначала это были смутные ощущения, которые Павлов-Освальд списывал на интуицию профессионала или на хаос чужой памяти в своей голове. В переполненном цеху он вдруг чувствовал укол раздражения в спину, оборачивался и встречал взгляд мастера Андрея Петровича, думавшего в этот момент: «Опять этот американец тупит у станка, как будто не работу делает, а о вечном размышляет». Но мысль звучала не внутри его сознания, а как будто накладывалась поверх реальности, тихим, чужим голосом, идеально синхронно с движением губ мастера.

Потом стало случаться чаще. В очереди за хлебом он поймал волну презрительной мысли продавщицы: «И этих тоже к нам понаехало, шпионов под видом рабочих». В парке, проходя мимо молодой пары, уловил обрывок: «...сказать ему про ребенка сейчас или после отпуска?..»

Это было не чтение мыслей в чистом виде. Это было подслушивание на частоте, которую он не мог выключить. Мысли приходили неупорядоченно, чаще всего — сильные, эмоционально заряженные: страх, злость, похоть, беспокойство. Спокойные, логичные размышления пробивались реже, словно шепотом. И, что было хуже всего, способность работала непредсказуемо. Иногда он мог ясно «слышать» человека за пять метров, иногда не улавливал ничего от того, кто сидел рядом. Контроля не было. Только хаос чужих душ, врывающийся в его и без того переполненный череп.

Первой настоящей пыткой стал визит Анатолия Степановича. Куратор пришел с проверкой жилищных условий, но его истинная цель, как громко и ясно услышал Освальд, звучала так: «Проверить, не начал ли наш перебежчик готовить себе черный ход. Искать в квартире следы шифров, тайники, второе дно. И понять, его депрессия — игра или нет».

Павлов заставил себя улыбаться, суетиться с чаем, мысленно выстраивая барьер. Он думал о токарном станке, повторял про себя таблицу умножения, пытаясь заглушить внешний поток.

— Чай, Анатолий Степанович, пожалуйста. Простите за беспорядок, с малышкой...

— Не беспокойтесь, Ли, — вслух говорил куратор, улыбаясь. А в голове его стучал четкий, холодный монолог: «Беспорядок контролируемый. Книги на видном месте — Маркс, Энгельс, но корешки не потертые, новые. Для галочки. На столе чертеж детали... Но карандаш лежит слишком параллельно краю листа. Аккуратист. Слишком аккуратен для «разочарованного романтика». Интересно.»

— Как настроение? Не тянет обратно, в капиталистический рай? — спросил Анатолий вслух.

— Нет, что вы! — поспешно ответил Освальд, ловя обрывок мысли куратора: «Врет. Врет красиво, но глаза бегают. Чего боится?»

— Просто иногда сны снятся... об Америке, — добавил Освальд, решив сыграть на полуправде.

«Сны. Это уже интереснее. Можно работать с ночными кошмарами, с чувством ностальгии. Раскрутить на откровенность», — пронеслось в голове Анатолия.

— Сны — это важно, Ли. Это наше подсознание говорит с нами. Может, стоит сходить к нашему заводскому психологу? Поговорить.

«Посадить его на кушетку к Смирновой. Та вытянет из него все, что нужно, под видом помощи».

Освальд почувствовал, как холодный пот выступил у него по спине. Психолог был бы катастрофой. Любой профессиональный анализ его inconsistent поведения, его «раздвоения», мог вскрыть все.

— Спасибо, но я не верю в этих... психологов, — сказал он, нарочито грубо. — В Америке это модно, а здесь, я слышал, здоровые люди сами с собой разбираются.

Анатолий Степанович усмехнулся — и вслух, и мысленно: «Испугался. Боится, что вытаскают наружу то, что сам скрывает. Отлично. Значит, есть что скрывать. Но не шпионаж... что-то другое. Личное, возможно. Или психическое. Это тоже можно использовать».

Визит, длившийся час, вымотал Освальда как многочасовой допрос под светом лампы. Когда дверь закрылась, он прислонился к косяку, сжав виски. В ушах стоял гул — эхо чужих оценок, подозрений, холодного анализа.

Развилка: Марина.

С Мариной все было и проще, и невыносимо сложнее. Ее мысли не были такими структурированными, как у куратора. Это был яркий, стремительный поток: образы, запахи, обрывки песен, вспышки эмоций. Когда она злилась, в воздухе витал едкий туман раздражения. Когда радовалась — казалось, комната наполнялась солнечным светом, который чувствовал не только он.

Однажды вечером она шила платье для Юны, а он якобы читал газету, наблюдая за ней краем глаза. Ее мысли текли спокойно: «...хватит ли ткани на оборку... завтра на почту за посылкой от дяди... Ли сегодня опять задумчивый, молчит... как его глаза иногда становятся чужими, старшими... страшно... а вдруг он разочаровался во мне? Вдруг я ему не нужна?..»

Последняя мысль пронзила его острой болью — не своей, а ее. Он не выдержал, отложил газету.

— Марина.

— Что? — она вздрогнула, уколола палец и сунула его в рот.

— Я... я никогда в тебе не разочаруюсь. Ты мне очень нужна. Ты и Юна — все, что у меня есть по-настоящему.

Она широко раскрыла глаза, и в них плеснулись слезы. Но не от боли. В ее мысли ворвалась паника: «Откуда он знает? Я же ничего не сказала! Он читает мои мысли? Это... это ненормально!»

— Я... я просто вижу по твоему лицу, — поспешил он сказать, понимая, что совершил ошибку. — Ты сегодня все вздыхаешь. Думал, может, я в чем-то виноват.

Паника в ее мыслях немного улеглась, сменившись стыдливым облегчением: «Дура я, дура. Конечно, он просто внимательный. Какой там чтение мыслей... сказки».

— Не виноват, — прошептала она. — Просто иногда кажется, что ты где-то далеко. Даже когда тут.

Он подошел, обнял ее. Прикосновение усилило связь. Ее мысли смешались с его собственными: поток нежности, страха, усталости, надежды. Он чувствовал вес ее одиночества, ее детские мечты о принце, которые теперь были связаны с ним, этим странным, закрытым американцем. И в этом потоке он с ужасом осознал, что любит ее. Не как оперативник любит свое прикрытие. А как человек — другого человека. Это открытие было страшнее любого заговора.

Развилка: Игнат и профессиональный диалог.

В фотокружке, рядом с Игнатом, Освальд нашел нечто вроде спасения. Мысли старика были тихими, размеренными, как шелест страниц в старой книге. Они почти не «пробивались» без его воли. Видимо, годами тренированная самодисциплина и контроль работали даже на этом уровне. Но когда Игнат хотел, он мог... проецировать. Не слова, а скорее, намерения, предупреждения.

Как-то раз, пока они вдвоем проявляли пленку в красном свете лаборатории, Освальд поймал четкий мысленный образ: рука, осторожно ощупывающая корешок книги на полке в его, освальдовой, квартире. И чувство — холодной настороженности.

— Игнат... — начал он.

— Молчи, — тихо сказал вслух старик, глядя на танцующие в проявителе изображения. — Стены, даже здесь, могут иметь уши. А у некоторых ушей — слишком длинные щупальца.

«Он знает, что меня обыскивают», — понял Освальд. И мысленно, стараясь, как Игнат, сконцентрировать намерение, спросил: «Что делать?»

Игнат взглянул на него. В красном свете его глаза казались черными безднами. Он медленно поднял палец и приложил его к собственной виску, а потом резко опустил вниз, к сердцу. Мысленный образ, пришедший с этим жестом, был ясен: «Головой понимай опасность. Но действуй по сердцу. Своему, а не чужому». А потом, вслух, о бытовом: — Контраст на этой пленке слабоват. Мало времени в проявителе держал. Спешил?

— Да, — хрипло ответил Освальд. — Спешил.

Это был единственный вид общения, который не истощал его. Здесь, с этим старым волком, он мог почти не бояться своей способности. Она даже помогала — считывать невербальные сигналы, которые и так были понятны профессионалам.

Развилка: Бездна одиночества и решение.

Способность стала его проклятием. Он начал избегать людных мест. Поход на рынок превращался в ад — какофония сотен голодных, злых, веселых, алчных мыслей давила на психику, вызывая мигрени. Он стал больше молчать, чтобы случайно не ответить на невысказанную вслух реплику. Марина начала замечать его странную усталость после простых прогулок.

— Тебе плохо? Может, к врачу?

— Нет, нет. Просто... шумно в городе. Привык к тишине, — бормотал он.

«Он что-то скрывает. Болезнь? Или тоска по дому?» — думала она, и ее беспокойство било по его нервам новым грузом.

Он понял, что сходит с ума. Не от знания будущего, а от настоящего. От невозможности заткнуть этот вечный, навязчивый шепот человечества. В отчаянии он попробовал то, что когда-то читал в старых учебниках по психологии агентов: метод изоляции. Он начал сознательно строить в уме «белую комнату» — пустое пространство без звука, без образа. И всякий раз, когда чужие мысли начинали лезть в голову, он пытался загонять их туда, как в камеру-изолятор. Это требовало титанического напряжения, но постепенно стало работать. Не идеально, но шум в голове снизился с оглушительного рева до назойливого гула.

Именно в этот период, когда его психика балансировала на грани, к нему пришло решение о возвращении в США. Это был не только тактический ход, основанный на знании истории. Это был крик души, ищущей не спасения, а тишины. Где он мог найти тишину? В библиотеке? В лесу? Нет. Он нашел ее в самой чудовищной перспективе: в одиночной камере. Или в могиле. Он понял, что его миссия — это не только спасение Кеннеди. Это было спасение его собственного рассудка. Ему нужно было дойти до Далласа, до точки выбора, и там, совершив то, что должен был совершить, обрести наконец покой — либо в тюрьме, где стены заглушат мысли, либо в новом, измененном будущем, где этот груз будет снят.

Накануне отъезда он пришел к Игнату в последний раз. Мысли старика в этот день были необычно ясными и грустными.

— Уезжаешь туда, где тебе, наверное, будет еще тяжелее, — сказал Игнат вслух, чистя объектив.

— Да, — просто ответил Освальд.

«Ты несешь в себе бурю, парень. И не одну. Справишься ли?» — пронеслось в голове Игната.

— Справлюсь, — тихо сказал Освальд, отвечая на мысль.

Игнат резко поднял на него глаза. Ни страха, ни удивления в них не было. Только глубокая, бездонная печаль и... понимание. Он молча протянул Освальду маленькую, холодную металлическую капсулу.

— На память о Минске. Там... пленка с нашими лучшими снимками. Глянешь иногда — вспомнишь.

Освальд взял капсулу. В тот же момент в его голове возник четкий, как телеграмма, мысленный образ от Игната: карта Нью-Йорка, два крестика, цифра телефона. И чувство — твердой уверенности и прощания.

— Спасибо, — сказал Освальд, и его голос дрогнул. — За все.

«Возвращайся живым. Если сможешь», — прозвучало в его голове последней мыслью Игната.

На палубе «Маастрихта», глядя на удаляющийся берег, Освальд сжимал перила. Мысли сотен пассажиров, полных предвкушения или тоски, бились о стены его «белой комнаты», как волны о борт. Рядом стояла Марина, ее мысли текли тяжелым потоком тревоги и надежды. Он обнял ее за плечи, пытаясь хоть как-то защитить и ее, и себя от этого хаоса.

Он плыл не в Америку. Он плыл на войну. Внешняя — с невидимым заговором. И внутренняя — с невыносимым шумом мира, который теперь был для него прозрачен и оттого бесконечно враждебен. Его оружием были знание, воля и эта проклятая способность, которую теперь нужно было не просто терпеть, а научиться использовать. Как микрофон, направленный в толпу, чтобы услышать шепот убийц среди общего гула.

Глава 3

Шум демократии

Америка воняла. Освальд понял это первым делом, как только сошел с трапа на причал Нью-Йорка в июне 62-го. Не то чтобы плохо. Просто... сильно. После минского воздуха, пропахшего пылью, хвоей и дымом заводских труб, здесь в нос ударил коктейль из выхлопных газов, жареного масла с лотков хот-догов, дорогого табака, одеколona и чего-то еще — сладковатого, химического, назойливого. Запах безумной, ничем не ограниченной свободы. Или конвейера. Сложно было различить.

Таможенник, пухлый мужчина с вечно уставшим лицом, пробежался глазами по его документам.

— Ли Харви Освальд... Так, а это кто? — кивнул на Марину с ребенком на руках.

— Моя жена. Марина. Дочь, Джун.

— Русская? — в голосе таможенника заплескали нотки подозрительного интереса. Мысли его, усталые и циничные, донеслись до Освальда четко: «Очередной придурок, женившийся на комми. И тащит ее сюда. Проблем на ровном месте».

— Да, — коротко бросил Освальд, стараясь казаться простым и усталым.

— Ладно... Добро пожаловать домой, мистер Освальд, — таможенник шлепнул штамп в паспорт, и его мысль завершилась с ударом: «Только проблем от них не оберешься. И от ФБР потом бумажная волокита».

Их встретил брат Роберт — худощавый, нервный, с лицом, на котором жизнь уже успела прочертить морщины беспокойства. Они обнялись неловко, по-американски, хлопая друг друга по спине.

— Ли, черт возьми, ну наконец-то! А это... Марина? Привет, привет! — Роберт засуетился, пытаясь взять чемодан, укачать плачущую Джун, и все сразу. Его мысли метались, как перепуганные птицы: «Боже, она такая молодая... И ребенок... Как они тут устроятся? У меня и так в съемной квартире тесно... Мама сказала помогать, но чем? Самому-то нелегко...»

— Спасибо, что встретил, Роб, — сказал Освальд, и его собственный голос, с еще не сошедшим акцентом, прозвучал для него самого странно. — Не переживай так. Как-нибудь устроимся.

Роберт вздрогнул, посмотрел на него удивленно: «Откуда он знает, что я переживаю?» Вслух сказал: — Да я... да ладно, поехали уже. Машина на парковке.

Дорога от порта до Пенсильванского вокзала была оглушительной. Не мыслями — хотя их поток из окон проезжающих машин и пешеходов был сплошным белым шумом, — а именно звуками. Клаксоны, рокот моторов, крики уличных торговцев, обрывки джаза из открытых окон. Цвета были ярче, кричащее, чем в СССР. Рекламные щиты, неоновые вывески, пестрые платья женщин. Все это било по мозгам, отвыкшим от такой агрессивной сочности. Марина прижалась к нему, широко раскрыв глаза. Ее мысли были тихим, перепуганным шепотом: «Такой большой... Такой шумный... Все куда-то бегут... Я здесь потеряюсь».

— Ничего, привыкнешь, — пробормотал он ей на ухо по-русски. — Просто другой ритм.

Первые месяцы в Техасе, куда они перебрались к брату, стали временем выживания в самом примитивном смысле. Освальд устроился в сварочную контору — грязная, низкооплачиваемая работа. Они снимали крошечную квартирку в Форт-Уэрте, пахнущую старым ковром и тушеной фасолью. Америка, которую он знал по книгам и кинохроникам, оказалась другой — провинциальной, консервативной, тяжелой на подъем.

По вечерам, придя домой весь в металлической пыли, он садился на потрепанный диван и слушал, как за стеной сосед, старый ветеран Корейской войны, орет на жену. Его пьяные,

обрывочные мысли были полны злобы и разочарования: «...а эта страна... гадит своим же... я там ногу оставил, а они мне... пособие мизерное... все эти богачи в Вашингтоне...»

Соседка снизу, одинокая учительница, думала о том, как бы свести концы с концами и не попасть под сокращение из-за «розовой угрозы» — подозрения в либерализме. Мысли ее были острыми, как иголки: страх, одиночество, усталость.

И сквозь этот бытовой, изматывающий шум Освальд начал улавливать другие сигналы. Более опасные.

Первая тень.

Он устроился на новое место, в типографию в Далласе. Коллеги были простые парни: выпивали после смены, обсуждали бейсбол, женщин, политику — в основном ругали Кеннеди за «мякотелость». Один из них, бывший морпех по имени Фрэнк, крепкий, с короткой стрижкой, как-то раз, уже изрядно набравшись, положил ему тяжелую руку на плечо.

— Слышал, ты там, в Союзе, пожил... — просипел он, и его мысли, мутные от виски, но злые, как укус, донеслись до Освальда: «...предатель, стервец... но свой, морпех... может, сгодится...» — Что скажешь, они там, красные, правда готовятся? К войне?

— Не готовятся, Фрэнк, — устало сказал Освальд, отстраняясь. — Живут, как все. Работают, пьют, женятся.

— Говно! — рявкнул Фрэнк. — Они хотят нас сожрать! А наш блестящий Джек... — он понизил голос, оглядевшись, — ...наш президентик-красавчик хочет с ними договариваться! Сволочь! Его бы... — он не договорил, но мысль прозвучала ясно, как выстрел: «...убрать. Как крысу».

Освальд замер. Это было не просто пьяное бахвальство. За этой мыслью стояла глубокая, укоренившаяся ненависть. И что-то еще... смутный образ другого человека, не здесь, в баре, а где-то в дорогом офисе, который смотрел на Фрэнка свысока, как на инструмент.

— Ты пьян, Фрэнк, — громко сказал Освальд, вставая. — Завязывай. Завтра на работу.

Тот что-то проворчал, но отстал. А Освальд всю ночь не спал, обдумывая этот обрывок. Он был на правильном пути. Яд уже был в теле системы. И он знал, где искать антидот.

Единственным островком относительного покоя была Марина. Ее мысли, хоть и полные тревог о деньгах, о здоровье Джун, о тоске по дому, были... чистыми. Как родник. В них не было той гнили, того подпольного шепота, который он начал слышать на улицах. Она высаживала на балконе в жестяных банках помидоры, учила английский по телевизионным шоу, смеялась над его ужасным произношением русских слов, которое он теперь иногда коверкал нарочно.

— Ли, посмотри! — как-то позвала она его на кухню. На сковородке шипели какие-то странные котлеты. — Это по рецепту из журнала! «Мясные шарики по-техасски!»

Он попробовал. Пересолено, переперчено.

— Вкусно, — сказал он, и это была правда. Потому что она старалась. Ее мысль в этот момент была простой и светлой: «Хочу, чтобы ему понравилось. Хочу, чтобы он был счастлив здесь, со мной».

Он обнял ее, прижался лицом к ее волосам, пахнущим дешевым шампунем и теплом. В ее объятиях шум в голове стихал. Не полностью, но достаточно, чтобы перевести дух. Она была его заземлением. Его единственной связью с чем-то нормальным, человеческим.

Но даже здесь способность подкидывала сюрпризы. Как-то раз, играя с Джун, он поймал мысленный образ из головы дочери — не слова, конечно, а чувство: теплое, мурлыкающее, похожее на ощущение от плюшевого мишки и молока. И вдруг — резкий, инстинктивный укол страха, когда в комнату вошел незнакомый (сосед, занесший почту). Эта первобытная, чистая эмоция поразила его больше, чем любые сложные мысли взрослых. Его собственная дочь... он чувствовал ее, как свое продолжение. И это было одновременно прекрасно и ужасно. Что, если она унаследует этот дар? Что, если однажды он «услышит» ее боль, ее отчаяние, и не сможет помочь?

Чтобы отвлечься от шума и найти нити, он часами пропадал в Далласской публичной библиотеке. Тишина там была условной — мысли читателей витали в воздухе, как пыль в луче света, — но хотя бы не было грохота улицы. Он изучал газеты, подшивки за последние годы, выискивая имена, связи. И однажды, в отделе периодики, он почувствовал на себе иной взгляд.

Он поднял голову. За соседним столом сидел мужчина в добротном, но неброском костюме, с аккуратной портфельной сумкой. Он читал журнал «Life», но Освальд ощутил, как внимание этого человека сфокусировано на нем. Не открыто, а краем сознания, профессионально. И мысли... Мысли этого человека были странно приглушенными, как будто обернутыми в вату. Не глухими, а... дисциплинированными. Освальд сумел выловить лишь обрывки: «...поведение соответствует профилю... контакты минимальны... жена адаптируется плохо...»

Это был наблюдатель. ФБР? ЦРУ? Частный детектив, нанятый теми, кого он искал? Мужчина заметил, что его «раскусили». Не изменившись в лице, он медленно сложил журнал, встал и вышел, не оглядываясь. Его последняя мысль, уже из коридора, донеслась четко: «Интересно. Повышенная ситуационная осведомленность. Не вписывается в картину социально неустроенного маргинала. Нужно доложить».

Освальд понял, что вступил в игру. Его противники — или те, кто считал его пешкой, — знали о нем больше, чем он о них. Но теперь и он знал, что наблюдение ведется. Это меняло расклад. Он должен был начать активные действия.

Он вспомнил о капсуле Игната. Вскрыв ее в уборной на автобусной станции, он нашел на микропленке, кроме адресов, еще один код — короткую последовательность цифр. Он долго ломал голову, пока не сообразил: это номер почтового ящика в Новом Орлеане. Городе его детства.

Он написал письмо. Простое, невинное, на первый взгляд: «Дорогому старому другу. Я вернулся в Штаты, обзавелся семьей. Живу в Далласе, работаю. Иногда вспоминаю наши беседы о фотографии. Если будешь в Техасе, дай знать. Твой Ли». Адрес он использовал тот, что был с пленки. В текст вписал шифр, элементарный, но действенный — каждое седьмое слово составляло фразу: «Нужна встреча, осторожно».

Ответ пришел через три недели. Открытка с видом Миссисипи. Обычные туристические слова. И телефонный номер в Далласе. Мысль была ясна: позвони.

Он нашел уличный таксофон вдалеке от дома и работы. Набрал номер.

— Алло? — ответил женский голос, без возраста, нейтральный.

— Это Ли. Я писал о фотографии.

Пауза. Потом тот же голос, но уже другим тоном — твердым, быстрым: — Завтра. Кафе «Ройал стрит» на Элм-стрит. 14:00. Возьмите с собой газету «Даллас Морнинг Ньюс». Садитесь у окна.

Щелчок. Собеседник положил трубку.

Освальд вышел из будки. Вечерний воздух был теплым, сладким от запаха цветущего жасмина где-то в палисадниках. По улице проехала полицейская машина, мигнув синей фарой. Где-то дети играли в бейсбол, их звонкие крики разносились по тихому кварталу. Обычная американская жизнь, мирная и сонная. А в ее глубине, как червь в яблоке, копошился заговор. И он, Ли Харви Освальд, бывший майор Павлов, с проклятым даром в голове и любовью к женщине, которая делала его уязвимым, должен был теперь встретиться с тенью из прошлого, чтобы попытаться изменить будущее.

Он купил по дороге пачку сигарет «Camel», закурил, впервые за много месяцев. Дым щекотал горло, вызывая кашель. «Ну что ж, — подумал он, глядя на тлеющий кончик. — Завтра. Начнем». И в глубине души, под слоем страха и решимости, копошилась маленькая, уставшая надежда: а вдруг этот контакт, этот человек из сети Игната, сможет хоть как-то помочь заглушить этот вечный, невыносимый шум?

Глава 4

Хозяева ранчо

Ранчо «Спящая лощина» лежало в холмистой тexasской пустоши в пятидесяти милях от Далласа. Не то чтобы очень большое или богатое по местным меркам, но уединенное. Сюда не вела асфальтированная дорога, только укатанная гравийка, терявшаяся в зарослях мескитового дерева и кактусов. Главный дом, длинный и приземистый, был сложен из известняка, почерневшего от времени и палящего солнца. Здесь не было роскоши, была прочная, не вызывающая подозрений основательность. Идеальное место для разговора, который не должен был быть услышан.

Вечер опустился на холмы, окрасив небо в багровые и лиловые тона. На веранде, в тени от навеса, собрались пятеро мужчин. Никакой прислуги. Лед в тяжелых хрустальных стаканах звенел тихо, смешиваясь с стрекотом цикад.

Клейтон Вейнрайт хозяин ранчо. Шестидесяти с лишним, с лицом, вырезанным из старого дуба, и взглядом голубых глаз, холодных, как сталь. Бывший бригадный генерал, вышедший в отставку, но не ушедший из дел. Его состояние зиждилось на оборонных подрядах. Он наливал виски, движения точные, экономные.

— Еще по одной, джентльмены? Пустыня ночью высасывает влагу из костей.

Лайонел Торнтон, банкир из Хьюстона. Моложе, лет пятидесяти, в безупречном льняном костюме, который уже успел слегка помяться за день, что его слегка раздражало. Он представлял интересы консорциума, вложившегося в разработку полезных ископаемых в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии. Регионах, где стабильность — понятие относительное, и ее часто приходится покупать. Или создавать.

— Спасибо, Клэй. У меня и так голова завтра будет тяжелой от этих ваших тexasских дорог.

Доктор Артур Лейтон, невысокий, сухопарый, с пронзительным взглядом за очками в тонкой оправе. Не врач, а доктор политологии, директор скромного на вид, но влиятельного аналитического центра «Стратегический прогноз» в Вашингтоне. Его клиентами были сенаторы, комитеты конгресса и люди, подобные сидящим на веранде. Он не пил виски, потягивал ледяную воду.

— Дороги, Лайонел, — это последнее, о чем нам стоит беспокоиться. Проблема в том, что главная дорога, по которой идет наша страна, ведет в пропасть. И рулит ей красавчик из Белого дома.

Четвертый, Карлос «Карл» Мендес, кубинец, бледный, нервный, с вечно влажными от пота ладонями. Бывший землевладелец, чьи сахарные плантации под Камагуэем были национализированы Кастро. Теперь он представлял в Майами «Комитет свободной Кубы» — громкое название для организации, финансирующей диверсии и мечтающей о реванше. Он жадно допил свой виски.

— Пропать? Вы говорите — пропасть. А я говорю — позор! Он отдал остров этим... этим коммунистическим крысам! И ничего не делает! Этим ублюдков нужно было раздавить в зародыше, в Заливе Свиной! А он? Он отозвал авиацию! Трус!

Пятый, майор Эдвард «Эд» Росс (в отставке), помоложе, лет сорока пяти, с коротко стриженными седыми висками и спортивной выправкой. Сидел молча, наблюдая. Его карьера в армейской разведке оборвалась после того, как он слишком рьяно продвигал идею превентивных ударов по советским ракетным площадкам. Теперь он занимался «частными консультациями по безопасности». Его клиенты работали в странах, где официальные лица США появляться не могли.

— Успокойся, Карлос, — тихо сказал Росс. Его голос был низким, ровным, без эмоций. — Криком делу не поможешь. Ты прав в одном: в Заливе он нас предал. Показал спину. И они эту спину увидели.

Наступила тяжелая пауза. Вейнрайт раскурил трубку, выпустив облако едкого дыма.

— Вопрос не в трусости, джентльмены. Вопрос — в политике. И в деньгах. Мои заводы, — он ткнул трубкой в сторону невидимого горизонта, — штампуют детали для «Б-52», для ракет «Минитмен», для систем ПВО. Пока в Кремле сидят медведи с ядерными дубинами, Конгресс голосует за оборонный бюджет, не моргнув глазом. Каждый новый советский спутник — это плюс десять миллионов к моим контрактам. Каждая речь Хрущева «мы вас закопаем» — это премия акционерам.

— А теперь, — продолжал он, и его голос стал жестким, как камень, — этот мальчишка в Белом доме... Он начал говорить о «мире». О «разрядке». О договорах по запрещению испытаний. Он переписывается с этим крестьянином Хрущевым! Представьте, что будет, если они реально договорятся? Если холодная война... охладится еще сильнее?

Торнтон мрачно хмыкнул, помешивая лед в стакане.

— Представляю прекрасно, Клэй. Бюджеты Пентагона урежут. Акции ваших компаний, наших с вами компаний, рухнут. Инвестиции в оборонку станут рискованными. Капитал победит в... в потребительские товары, в проклятые тостеры и автомобили для домохозяек! — Он сказал это с таким отвращением, будто речь шла о проказе. — А что будет с нашими проектами за рубежом? Если Вашингтон начнет дружить с Москвой, кто будет защищать наши... интересы в Конго? В Лаосе? Кто заставит местных вождей подписывать выгодные нам концессии? Миротворцы ООН? Смешно.

Лейтон поправил очки, в его голосе зазвучали лекторские, убедительные нотки.

— Вы оба правы. Но проблема глубже идеологии и прибылей. Проблема — в исторической перспективе. Кеннеди — опасный идеалист. Он верит, что можно договориться, провести черту, разделить сферы влияния и жить в мире. Но с Советским Союзом так не работает. Они понимают только силу. Только демонстрацию превосходства. Каждый наш шаг навстречу они воспринимают как слабость. Его политика «гибкого реагирования»... это политика уступок. Он уступает в Берлине. Уступил на Кубе. Завтра уступит в космосе. Он разваливает тот образ непоколебимого американского гиганта, который мы создавали двадцать лет! Он роет могилу американскому могуществу.

Мендес вскочил, его стул заскреб по полу.

— А мою родину он уже закопал! И знаете что он делает теперь? Через своих людей он намекает, что может быть, стоит начать «диалог» с Кастро! Диалог! С этим кровавым тираном! Я видел копию меморандума! Они обсуждают... нормализацию отношений! Открытие интересов! — Он почти выл от бессильной ярости. — Они хотят торговать с убийцами моей семьи! Пока я здесь, в изгнании, а моя сестра... — Он не договорил, сел, сжав кулаки.

Росс внимательно посмотрел на Мендеса, потом перевел взгляд на Вейнрайта.

— Карлос не совсем прав. Но суть уловил. Есть информация, что через задние каналы, через журналистов и нейтральных дипломатов, администрация зондирует почву. Не для немедленного мира, нет. Но для... снижения накала. Для какого-нибудь символического жеста. Обмена журналистами. Открытия прямой телефонной линии. Если это случится, господа, это будет сигналом. Сигналом для всего мира: Америка сдает позиции. Коммунизм победил не в бою, а за столом переговоров. И тогда, поверьте мне, десятки стран, которые сейчас колеблются, сделают выбор. Не в нашу пользу.

Тишина повисла густая, как техасская ночь. Где-то вдали завыл койот. Вейнрайт медленно поставил стакан на стол.

— Так. Подведем черту. Наш президент, — он произнес это слово с ледяным сарказмом, — своими действиями:

Первое: угрожает национальной безопасности, разоружая нас психологически и, в перспективе, фактически.

Второе: подрывает экономическую мощь ключевых отраслей, которые являются стержнем страны.

Третье: предаёт наших союзников и людей, которые поверили в наши обещания, — кивок в сторону Мендеса.

Четвертое: поощряет врага, вселяя в него уверенность, что нас можно победить без войны.

— Он болен, — резко сказал Торнтон. — Не физически, хотя и это возможно. Он болен идеями. Иллюзиями. Его отец знал цену деньгам и силе. А этот... этот выпускник Гарварда, этот любитель поэзии... Он играет в политику, когда нужно управлять империей.

Лейтон покачал головой.

— Он не болен. Он просто... не на своем месте. История поставила его руководить державой в момент предельного противостояния, а он мыслит категориями мирного времени. Он — анахронизм. Опасный анахронизм.

— Что предлагаете? — спросил Росс, его глаза сузились. — Петиции? Статьи в газетах? Лоббирование в Конгрессе? Это все пробовали. Он популярен. У него харизма. Его «новые рубежи», все это... — он махнул рукой, — находит отклик. У народа короткая память. Они уже забыли про Кубу. Они радуются, что нет войны.

Вейнрайт затаился, выпустил дым.

— Смена курса требует смены капитана на мостике. Пока он у руля, корабль будет нести к скалам. Выборы через год. Но год... это слишком долго. За год он может натворить такого, что обратной дороги не будет. Он может подписать какой-нибудь «пакт» с Хрущевым. Закрепить статус-кво. И тогда, господа, все, за что мы сражались... все это канет в лету.

Он посмотрел на каждого по очереди. Его взгляд не требовал ответа. Он констатировал.

— Ситуация требует... решительных мер. Непопулярных. Трудных. Но необходимых для спасения страны. Я не предлагаю ничего конкретного. Я лишь констатирую факт: нынешняя администрация — это раковая опухоль на теле Америки. И рак лечат. Иногда — хирургически.

Никто не ахнул. Никто не вскочил. Они все были взрослыми, прагматичными людьми. Они приехали сюда не для пустой болтовни. Слова Вейнрайта лишь озвучили то, о чем каждый из них думал про себя, боясь произнести вслух.

— Хирургия — дело тонкое, — наконец сказал Росс. Его голос был тихим, но слышным всем. — Нужен точный диагноз. Нужен план. Нужны исполнители. И, что самое важное, нужно абсолютное, железное алиби. Для всех. Для страны. Для истории.

— История, майор, — сказал Лейтон, — пишется победителями. И пишется она теми, кто контролирует нарратив. Тот, кто контролирует объяснение событий, контролирует и сами события. Если... если что-то случится, нарратив должен быть кристально ясным, простым и убедительным для толпы. Одинокий сумасшедший. Обиженный маргинал. Коммунистический фанатик. Сценарий должен быть написан заранее.

Торнтон мрачно ухмыльнулся.

— И главный герой этого сценария уже должен существовать. Его нужно найти. Или... создать.

Мендес налил себе еще виски, рука дрожала.

— Я знаю людей... в Новом Орлеане, в Майами. Людей действия. Они ненавидят Кеннеди не меньше моего. Они сделают все.

— Нет, — резко оборвал его Росс. — Никаких твоих кубинцев. Никаких фанатиков. Это должно быть чисто. Американская трагедия, разыгранная американцем. Или тем, кто может сойти за него. Идея Лайонела верна: его нужно найти. Изучить. И... направить.

Вейнрайт встал, оперся о перила веранды, глядя в темноту.

— У меня есть человек. Он занимается... подбором кадров для сложных проектов. Он найдет нам кандидата. Не сейчас. Не завтра. Нужно время. Нужно наблюдение. Нужно понять, кто из этих многочисленных сумасшедших и неудачников, которых породила наша великая страна, подойдет лучше всего. Кто будет идеальной, удобной мишенью для обвинения.

Он обернулся к собравшимся. Его лицо было скрыто тенью, видны лишь тлеющий огонек трубки и отсветы в холодных глазах.

— Деньги для предварительной работы я обеспечу. Каналы информации — майор Росс и доктор Лейтон. Политическое прикрытие и работа с медиа... это ваша часть, Лайонел. А Карлос... — он посмотрел на кубинца, — твоя работа — молчать. И держать своих горячих голов подальше от этого. Одно неверное движение — и все пойдет прахом. Мы не заговорщики, господа. Мы — комитет по спасению национальных интересов. Запомните это.

Они сидели еще долго, обсуждая уже детали: как лучше отслеживать потенциальных «кандидатов», как фильтровать информацию из ФБР и ЦРУ, как создавать фон, атмосферу, в которой появление «одинокого стрелка» покажется логичным и неизбежным. Их разговор был деловым, лишенным театрального злодейства. Они были бухгалтерами, подсчитывающими риски и дивиденды от самой страшной сделки.

Когда машины один за другим укатили в ночь, Вейнрайт остался на веранде один. Он потушил трубку, закинул ноги на перила. Где-то там, в этой огромной, спящей стране, уже жил человек, которому суждено было стать козлом отпущения в их спектакле. Его нужно было найти, вырастить, как ядовитый гриб в темноте, и в нужный день сорвать. Генерал достал из кармана пиджака маленький блокнот, сделал первую запись: «Начать поиск. Критерии: одиночка, психически нестабильный, с видимыми левыми симпатиями, военный бэкграунд предпочтителен. История пребывания в СССР — идеальный бонус. Ищем неудачника с чистой, как слеза, биографией отчаяния».

Он не знал имени Ли Харви Освальда. Но уже начал его искать. А тем временем в Далласе этот самый Освальд, мучимый чужими мыслями и своей тайной, готовился к встрече с призраком из прошлого, даже не подозревая, что уже стал мишенью в прицеле очень могущественных людей. Игра началась. И теперь у нее было две стороны.

Глава 5

Призрак «Корвета»

Ветер с Мексиканского залива нагонял на Новый Орлеан не просто влажную духоту, а густой, сладковато-гнилостный запах старости: перезрелых апельсинов с ближайших складов, ржавчины от доков, дешевого рома и мочи в переулках Французского квартала. Для Петра Семеновича (таково было одно из многих его имен) этот запах был запахом дома вот уже восемнадцать лет. Он жил в нем, как рыба в мутной, теплой воде.

Его настоящее жилище располагалось над маленькой мастерской по ремонту радиоприемников и проигрывателей на тихой, невзрачной улице в районе Гарден-Дистрикт. Вывеска «Магнитола-сервис» висела криво, витрина была пыльной, внутри пахло паяльной кислотой, пылью и старыми журналами. Бизнес едва сводил концы с концами, что было идеальным прикрытием. Никто не удивится одинокому, слегка чужаковатому и вечно бедному мастеру-иммигранту из Восточной Европы. Его историю — беженец от советского режима, поляк или латыш — он оттачивал годами. Она была безупречной, потому что на девять десятых состояла из правды. Правды о страхе, потере и одиночестве.

Петр Семенович, он же «Корвет» (позывной, присвоенный ему в далеком 1948-м при заброске), был классическим «невыездным» нелегалом. Его сеть была законсервирована после войны, он жил «глубоко на дне», без контактов с Центром, ожидая сигнала, который мог и не поступить никогда. Сигнал поступил. Не из Центра, а по старому, аварийному каналу связи, который знали лишь несколько таких же, как он, «призраков». Канал от «Старика» из Минска. Сообщение было лаконичным: «Твой. Американский перебежчик. Вернулся. Может быть полезен. Или опасен. Окажи содействие по запросу. Оценка — на тебе».

И вот запрос пришел. Письмо с простейшим шифром. «Корвет» сжег его в железной пепельнице, смешав пепел с окурками. Телефонный звонок из Далласа. Голос молодой, с напряжением, но без истерики. Четкий. Слишком четкий для того Ли Харви Освальда, досье на которого (сборник открытых вырезок из газет) лежало у него в столе. Там был образ неуравновешенного неудачника, мальчишки, играющего в шпиона. Голос по телефону таким не был.

И теперь Петр Семенович ждал. Не в своей мастерской, а в крошечном, душном номере отеля «Эль-Пасо» в Далласе, куда он приехал под видом коммивояжера, торгующего радиодеталями. Он стоял у окна, задернув занавеску, и курил «Lucky Strike». Дым щипал глаза, но это было привычно. Курение помогало думать. А думать в последние годы было все тяжелее и больнее.

Мысли его, как всегда, текли по двум параллельным руслам. Одно — оперативное: оценка обстановки, планирование безопасного ухода, анализ рисков от контакта с Освальдом. Второе... второе было черной, ядовитой подземной рекой, которая точила его изнутри. Недовольство. Нет, слишком мягкое слово. Горечь. Горькая, как полынь, и старческая обида на всё и всех.

«Сколько грамотных работников...» — эта мысль всплывала снова и снова, как навязчивый мотив. Он не был большим начальником. Он был рядовым офицером, винтиком в грандиозной машине, созданной Лаврентием Павловичем. Но он видел этих «грамотных работников». Видел, как работают мастера из управления «С» (нелегалы) и «Т» (научно-техническая разведка). Как филигранно готовят легенды, как встраиваются в ткань чужой страны. Как добывают информацию, от которой зависят судьбы мира. Абакумов? Может, он и был жесток, но система госбезопасности при нем работала, как швейцарские часы. Судоплатов? Легенда. Организатор легендарных операций. Мозг.

И что стало с ними? С системой? Со смертью Сталина все полетело в тартарары. Не сразу, постепенно. Но неотвратно. Хрущев со своей «оттепелью» и «борьбой с культом личности»

вывернул ведомство наизнанку. Абакумов — расстрелян. Судоплатов — арестован, объявлен сумасшедшим, гниет в тюрьме. Тысячи офицеров — уволены, осуждены, опозорены. Их опыт, их знания, их жертвы — все объявлено «преступлениями». Машину, которая побеждала в холодной войне, стали ломать своими же руками во имя каких-то абстрактных, непонятных идей «нормальности».

Петр Семенович затыкнулся так, что запершило в горле. Он смотрел на пыльную улицу Далласа, но видел другое: лицо своего куратора, старого майора, который готовил его к заброске. Тот говорил: «Запомни, Петя. Ты — игла в стоге сена. Твое оружие — не пистолет, а терпение. Ты можешь пролежать без движения десять, двадцать лет. Но когда Центр позвонит — ты оживешь. Потому что за тобой стоит вся мощь нашей Родины, самой справедливой страны в мире».

Где теперь эта мощь? Где справедливость? Родина, за которую он готов был умереть, объявила его учителей и командиров преступниками. Система, частью которой он был, отреклась от своего прошлого. А он, «Корвет», остался тут, в этой душной американской ночи, призраком на службе у призрака. Зачем? Ради чего он терпит эту тоску, этот вечный страх, эту жизнь в чужой шкуре? Ради Хрущева, который дружит с тем самым Голливудом, который мы когда-то считали рассадником разложения? Ради его политики «мирного сосуществования», которая на деле выглядит как капитуляция и пускание слюней перед Западом?

Он с силой потушил окурок. «Раздражение и сожаление» — да, это было точное определение. Он раздражен, как старый пес, которого выгнали из теплой конуры на холод. И он сожалеет. Не о своем выборе. Он сожалеет о напрасно потраченной жизни. О том, что служил идее, которая оказалась миражом. Что его жертва — его молодость, его возможность иметь семью, нормальную жизнь — никому не нужна. Новые хозяева Лубянки, эти карьеристы и бюрократы, спят и видят, как бы угодить партийной линии, а не как добыть секрет, который спасет страну.

Стук в дверь был условным: три коротких, пауза, два длинных. Освальд.

Петр Семенович глубоко вздохнул, сметая с лица все следы усталости и горечи. На лице появилось выражение вежливой, нейтральной озабоченности коммивояжера. Он открыл дверь.

На пороге стоял молодой человек, худой, в дешевом, плохо сидящем костюме. В руках — свернутая газета «Даллас Морнинг Ньюс». Лицо... лицо было странным. Напряженным, но не испуганным. Глаза смотрели не бегая, оценивающе. Они скользнули по комнате, отметив положение мебели, выход, окно. Профессиональный взгляд. Это было первое несоответствие.

— Входите, — сказал Петр Семенович своим акцентированным, «иммигрантским» английским. — Дверь закройте.

Освальд вошел, положил газету на комод.

— Вы тот, с кем я говорил по телефону? — спросил он. Голос был ровным, без тремоло.

— Может быть. А вы — Ли? Тот самый, кто интересовался фотографией?

— Тот самый. Мне сказали, вы можете помочь... с проявкой сложных кадров.

Условности были соблюдены. Петр Семенович кивнул на единственный стул. Сам сел на край кровати.

— Садитесь. Что за кадры такие сложные?

Освальд сел, выпрямив спину. Его поза не была позой просителя или запуганного человека. Это была поза человека, пришедшего на деловую встречу.

— Кадры будущего, — тихо сказал Освальд. И вдруг перешел на чистый, безупречный русский, без следов американского акцента, с легким московским произношением: — Товарищ «Корвет». Мне нужна информация. И, возможно, канал связи. Не для Центра. Для нас.

Петра Семеновича будто ударило током. Он не ожидал такого. Ни языка, ни тона, ни обращения по позывному. Это был сбой. Опасный сбой. Его собственные мысли, обычно

жестко контролируемые, рванулись лавиной: «Провокация! ФБР! ЦРУ! Раскрыли! Как он знает позывной?! „Старик“ не мог передать этого! Ловушка!»

Внешне он лишь слегка подался назад, лицо осталось каменным.

— Я не понимаю, о чем вы. И на каком это языке? Похоже на русский. Я его не знаю. Я — польский эмигрант.

— Не тратьте время, Петр Семенович, — продолжал Освальд по-русски, и в его глазах мелькнуло что-то вроде усталой жалости. — Я знаю, кто вы. Не полностью, но достаточно. Я пришел не скомпрометировать вас. Я пришел, потому что у нас общая проблема. Та, что в Вашингтоне. И те, кто хочет его убрать.

«Корвет» замер. Это было слишком. Слишком много. Он почувствовал, как старое сердце начинает биться чаще. Он потянулся к пачке сигарет на тумбочке, медленно, чтобы скрыть дрожь в руках, достал одну, закурил. Дым стал ширмой.

— Вы очень фантазируете, молодой человек. Вы — тот самый Освальд, который сбежал в СССР и теперь вернулся? Я читал про вас в газетах. У вас... проблемы с психикой. Вам нужен врач, а не радиомастер.

— Мне нужен профессионал, — не отступал Освальд. Его голос звучал почти отечески, что было дико, учитывая разницу в возрасте. — Я знаю, что вы переживаете. Знаю про чистки после пятидесят третьего. Про Абакумова. Про Судоплатова. Про то, как новое руководство предало старых бойцов. Вы здесь один, брошенный, с вашим опытом никому не нужным. А я... я вижу то, чего не видят другие. Я слышу шепот заговора. Заговора против Кеннеди.

Петр Семенович чувствовал, как почва уходит из-под ног. Этот юнец говорил о вещах, которые не должен был знать. Говорил с невозможной уверенностью.

— Почему вы говорите это мне? — спросил он наконец, тоже по-русски, сдавшись. — Что вам от меня нужно?

— Во-первых, подтверждения. Я не могу двигаться вслепую. Я знаю факты, но не знаю игроков. Вы, ваша сеть, ваши старые связи... вы можете увидеть тени там, где я вижу только туман.

— У меня нет никакой сети! — резко сказал «Корвет». — Я никто. Я призрак.

— Призраки видят других призраков лучше, чем живые, — парировал Освальд. — Во-вторых, если что-то случится... если я не справлюсь... кому-то нужно будет знать правду. Не официальную версию, которую запустят в эфир, а настоящую. Чтобы было кому передать информацию, если дойдет до худшего.

Петр Семенович смотрел на него, и постепенно гнев и страх отступали, уступая место жгучему, нестерпимому любопытству. Кто этот человек? Это не Ли Харви Освальд. Это кто-то другой. Или что-то другое. Он вдруг вспомнил старые, полумифические истории из учебников Центра про вербовку «агентов влияния» с психическими отклонениями, про эксперименты с контролем сознания... Бред? Возможно. Но то, что он видел и слышал, не укладывалось ни в одну схему.

— Допустим, я вас слушаю, — медленно сказал он. — Что вы знаете?

— Знаю, что есть группа очень влиятельных людей: военные, промышленники, банкиры, бывшие разведчики. Они считают Кеннеди предателем национальных интересов. Его политика разрядки угрожает их прибылям и их видению Америки как империи, воюющей с коммунизмом. Они хотят его устранить. Им нужен козел отпущения. Одиночка с левыми взглядами. Желательно — с советским прошлым.

«Корвет» замер. Мысли заработали с бешеной скоростью. Если это правда... Это меняло всё. Убийство американского президента, спланированное внутренней оппозицией, с попыткой свалить вину на «советского агента»... Это могло развязать войну. Настоящую, горячую. Или привести к власти в США тех самых ястребов, которые эту войну хотят. И в том, и в дру-

гом случае СССР оказывался в смертельной опасности. А нынешнее кремлевское руководство с его «мирным сосуществованием» к такому повороту не готово совершенно.

— Доказательства? — выдохнул он.

— Пока только... ощущения. Обрывки мыслей, которые я ловлю. Разговоры, намеки. Но я чувствую, что сеть уже закинута. Ищут подходящего кандидата. И я, со своей биографией, идеально подхожу на эту роль.

В голове Петра Семеновича что-то щелкнуло. «Ищут кандидата...» Он вспомнил. Пару месяцев назад к нему в мастерскую заходил странный клиент. Хорошо одетый, просил «посмотреть» старый немецкий радиоприемник, явно не имея в нем нужды. Задавал странные вопросы о клиентах, о том, не заходил ли «какой-нибудь странный тип, возможно, иностранец с восточноевропейским акцентом, интересующийся политикой». Тогда «Корвет» списал это на паранойю богатого идиота. Теперь эти вопросы обрели зловещий смысл. Его тоже проверили как потенциальный контакт? Или искали кого-то в его окружении?

— Если это так, — сказал он, и его голос стал жестким, стальным, голосом офицера, а не ремонтника, — то вы уже в опасности. Сильнейшей. Они не просто ищут кандидата. Они его готовят. Создают вокруг него narrative, как говорят здесь. Факты, связи, улики... Они могут уже сейчас создавать ваш образ в документах, в памяти «свидетелей».

— Я знаю, — кивнул Освальд. — Поэтому мне нельзя ошибаться. Я должен найти их первым. Или заставить их себя раскрыть. Для этого мне нужны глаза и уши. Не в официальных структурах. На улице. Среди таких же... забытых. Как вы.

Петр Семенович долго молчал. Он смотрел на этого невероятного юношу, который говорил с ним как равный, который понимал его боль и предлагал не деньги, не спасение, а дело. Настоящее дело. Не ради призрачной Родины, которая его предала, а ради того, чтобы предотвратить катастрофу, которая может поглотить весь мир. В этом был страшный, извращенный смысл. Это возвращало ему достоинство.

— Хорошо, — тихо сказал он. — Я помогу. Чем смогу. Но условия. Первое: никаких записей, никаких телефонов. Только личные встречи, только здесь, с моими мерами предосторожности. Второе: я не буду рисковать своей легендой без крайней необходимости. Третье: если я почувствую, что это ловушка или вы... не в себе, связь прервется навсегда. Четвертое: вы расскажете мне, кто вы на самом деле. Не сейчас. Когда будете готовы. Но я должен знать, с кем имею дело.

Освальд смотрел на него, и в его глазах, таких старых и усталых в молодом лице, мелькнуло что-то вроде благодарности.

— Принято. Спасибо, товарищ.

— Не называйте меня так, — резко оборвал его «Корвет». — Этого товарищества больше нет. Есть Петр. И есть Ли. И общая задача. Больше ничего.

Он встал, подошел к чемодану, вытащил оттуда старый, выдавший виды фотоаппарат «Зоркий».

— Вот. В качестве оправдания нашего знакомства, если что. Говорите, что купили у бродячего торговца. Внутри, в отсеке для батареи, — он ловко вскрыл крышку, — есть микроточка с номером телефона автомата в Новом Орлеане и шифром для сообщений. Пишите только в случае крайней необходимости. Для встреч — вот этот адрес в Далласе, — он вложил в футляр визитку закусочной, — хозяин — свой. Скажете, что от Петра насчет «заказа на жареные устрицы». Он даст знак.

Освальд взял аппарат, осмотрел его с профессиональным видом.

— Спасибо, Петр.

— Еще что, — «Корвет» снова стал серьезен. — Берегите жену. Если они начнут работать с вами, они будут изучать все ваше окружение. Она — ваше самое уязвимое место. И ваше самое человеческое. Не дайте им использовать ее против вас.

На лице Освальда впервые появилось неподдельное, острое выражение — боль.
— Я... постараюсь.

После его ухода Петр Семенович еще час сидел в номере, куря одну сигарету за другой. Он чувствовал странное оживление, давно ему неведомое. Страх никуда не делся. Но к нему прибавилось что-то еще. Цель. Пусть безумная, пусть самоубийственная. Но цель. Он снова был солдатом. Не той системы, что предала его, а солдатом в битве, смысл которой был ему ясен. Он будет помогать этому странному мальчику спасти американского президента от своих же ястребов. Ирония судьбы была горькой и прекрасной. Возможно, это и есть его последняя операция. И, черт возьми, она того стоила.

Он посмотрел в потрескавшееся зеркало над умывальником. Уставшее лицо пожилого иммигранта смотрело на него. «Ну что, «Корвет», — подумал он про себя. — Похоже, ты еще не совсем списан в утиль. Давай, старина, соберись. Надо работать». И впервые за много лет он улыбнулся. Не для легенды. Для себя. Была работа. И был долг. Перед кем — он уже не знал. Перед историей, может быть. Перед памятью тех самых «грамотных работников», которые делали свое дело не за страх, а за совесть. Он затянулся последней сигаретой и начал планировать, как безопасно вернуться в Новый Орлеан и начать прислушиваться к тихому шороху крыс в стенах американской империи.

Глава 6

Шум денег

Жизнь в Далласе, если забыть на минуту про заговоры, шум мыслей и дамоклов меч будущего, была тяжелой, скучной и удивительно дорогой. Особенно для семьи из трех человек, где работает один мужчина на минимальной оплате. Освальд по-прежнему трудился в типографии, но деньги утекали, как вода сквозь пальцы: аренда, подгузники для Джун, молоко, дешевые консервы, оплата электричества. Марина молча копила отчаяние, стараясь растягивать каждую копейку, и это тихое, ежедневное напряжение Освальд чувствовал кожей. Ее мысли в магазине были для него пыткой: «Снова подорожали яйца... А это платье для Джун уже мало, нужно новое... Ли так устает, он плохо ест, надо бы мяса купить, но где взять?..»

Однажды вечером, когда Марина, убаюкав дочь, шила на машинке, купленной в долг, Освальд вышел «подышать». Он прошелся по ночным улицам. Его «дар» или «проклятие» работал в полную силу. Из баров доносились клубы пьяных, обрывистых мыслей о спорте, женщинах, несправедливом начальстве. Из окон квартир – скука, усталость, редкие всплески счастья или ссор. И сквозь этот гул он уловил другое – яркие, алчные, ликующие вспышки. Они исходили из невзрачного здания с неоновой вывеской «Lucky Star». Казино. Вернее, зал игровых автоматов, маскирующийся под развлекательный клуб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.